

Вьюшкова Ирина Геннадьевна

**ОРИГИНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЛОМОНОСОВА-УЧЕНОГО В СТИХОТВОРЕНИИ Я. П. ПОЛОНСКОГО
"ХАНДРА И СОН М. В. ЛОМОНОСОВА" В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ**

В статье воссоздается уникальный образ гениального ученого М. В. Ломоносова. Особое внимание в работе уделяется стихотворению Я. П. Полонского "Хандра и сон М. В. Ломоносова", которое выделяется из историко-литературного контекста благодаря оригинальной онейропозитике, помогающей представить неоднозначный образ мыслителя Ломоносова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 56-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

CONCEPT "BOREDOM" IN M. RILKE'S LINGUISTIC PERSONALITY STRUCTURE

Dar'ya Nikolaevna Volodina, Ph. D. in Philology
Department of the Russian Language as a Foreign One
National Research Tomsk Polytechnic University
volodinadn@mail.ru

The author analyzes the concept "Boredom" in M. Rilke's linguistic personality structure (by the materials of the poet's poems and letters written in Russian), reconstructs this concept, determines the individual-authorial, Russian national and intercultural meanings in it, pays special attention to the authorial methods of the representation of the concept "Boredom" at linguistic-cognitive level, and reveals the lexical-semantic field and imagery structure of the concept (the methods of reality metaphorization and motive organization).

Key words and phrases: linguistic personality; conceptual sphere; concept; picture of the world; other national consciousness; boredom; R. M. Rilke.

УДК 8/882

Филологические науки

В статье воссоздается уникальный образ гениального ученого М. В. Ломоносова. Особое внимание в работе уделяется стихотворению Я. П. Полонского «Хандра и сон М. В. Ломоносова», которое выделяется из историко-литературного контекста благодаря оригинальной онейропоэтике, помогающей представить неоднозначный образ мыслителя Ломоносова.

Ключевые слова и фразы: образ; поэзия; поэтическая традиция; сон; греза; онейропоэтика.

Ирина Геннадьевна Вьюшкова, к. филол. н.

Кафедра филологии и культурологии

Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова

wjuschkowa@rambler.ru

**ОРИГИНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЛОМОНОСОВА-УЧЕНОГО
В СТИХОТВОРЕНИИ Я. П. ПОЛОНСКОГО «ХАНДРА И СОН М. В. ЛОМОНОСОВА»
В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ[©]**

Феномен гениальности личности М. В. Ломоносова уникален. Плоды его деятельности отразились в разных научных областях: литературе, химии, физике, геологии и т.д., что позволило А. С. Пушкину назвать его «первым нашим русским университетом» [6, с. 340]. Многогранность таланта Ломоносова привлекала к себе многих поэтов, которые в своих творениях попытались объективно оценить роль и заслуги ученого перед Отечеством. Так, **Г. Р. Державин** в стихотворении «**К портрету Михаила Васильевича Ломоносова**» (1779 г.), назвав Ломоносова «славой россов», своеобразным русским «Пиндаром, Цицероном, Вергилием», подчеркнул бессмертье его славы:

Се Пиндар, Цицерон, Вергилий - слава россов,
Неподражаемый, бессмертный Ломоносов.
В восторгах он своих, где лишь черкнул пером,
От пламенных картин поныне слышен гром [1, с. 28].

Традицию Державина в дальнейшем продолжил **Д. И. Хвостов**, в послании-воззвании которого «**Михайле Васильевичу Ломоносову**» (1825 г.) содержится призыв: «Встань, о, песнопевец Россов! / Встань великий Ломоносов!» с целью воспевания родины - «Архангельского края», отчего дома, из которого ему было предрешиено судьбой шагнуть на Геликон, преодолев множество препятствий:

Тебе назначено судьбою
Отвергнуть множество препон,
И року вопреки сурову
Шагнуть, оставя сень отцову,
От Белых вод на Геликон [11].

Ломоносов назван «благодатным богом», «певцом бессмертным», деяния которого не будут забыты потомками, потому что родится продолжатель дела Ломоносова, «равный высокому Пиндару или Гомеру» [Там же].

В дальнейшем **Д. Фролов**, соблюдая каноны одического жанра, создал возвышенный образ ученого в оде «**Похвала Ломоносову**», именовав его «несравненным гением», «росским певцом», «просветителем», благодаря которому «Россия процветала»:

Певец Царей, Цариц Российских,
Парнасский Пиндар и Орел,
В органах звонких мусикийских
Дела Героев Ты воспел;
Тобой Россия процветала,
Тобой, как Солнце, процветала.
К Тебе Отечества сыны
Любовию воспалены.
Тебе, о, Гений несравненный!
Тебе, поэзии Творец!
Плетут Россияне нетленный
Из лавров на главу венец;
В восторге стих Тебе слагают
И громко, громко восклицают,
Где лиры нежные, Отец?
Где Пиндар, росский наш певец? [10].

Восторг, изливаемый в возвышенных стихах, неожиданно сменяется вопросами, адресуемыми непосредственно Ломоносову и связанными с выяснением того, в какой стране теперь он оказался, исчезнув с Парнаса? А затем следует и развернутый ответ, содержащий понимание того, что, воспев Всевышнего в мире земном, его удел, как поэта, продолжился и в мире Небесном, куда воспарил за благие деяния и все сделанное душа «росского певца и Пиндара». Тем самым, как видим, сохраняется и усиливается установка Фролова на возвеличивание Ломоносова, восхваляя патриотические деяния которого на благо Родины, автор оды подчеркивает их значимость для потомков: «В устах ты каждого из нас / Жить будешь по последний час!».

С. И. Стромиллов в сонете «**Ломоносов**» акцентировал внимание на реформаторских заслугах Ломоносова-поэта в области стихосложения и языка:

Законник языка, ты стоишь поздней славы,
Ты первый красоту и дух его постиг,
Ты дал ему права, законы и уставы,
Хаос его стихий ты жизнью проник,
И, прелестью его украсив величавой,
Ты к силе творческой вдруг вызвал свой язык! [8].

А. С. Пушкин в стихотворении «**Отрок**» (1831 г.) представил небольшую, но емкую зарисовку, предсказав огромное будущее юноши-рыбака:

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям! [7, с. 478].

Н. А. Некрасов в драматической фантазии в стихах в одном действии с эпилогом «**Юность Ломоносова**» (1840 г.) опозитизировал стремление простолюдина к знанию, рассмотрел его преданность науке и искусству как подвиг человека, пробившего себе дорогу в жизни. В действии Некрасов отразил непонимание родителями тяги сына Михаила к книге, его бегство из дома в Питер. В основу сюжета введено упоминание о сне, круто изменившем жизнь Михаила. В нем небесный вестник предсказал юноше о высоком уделе - науке:

Высок удел,
Который для тебя назначен.
Иди лишь не кривым путем,
Будь честен, добр, покорен, прямодушен,
К чужому зависти не знай:
И своего довольно будет!
Учись прилежно; силы все
Употреби ты на науку,
Иначе будешь мужиком! [3, с. 15].

В эпилоге представлен размышляющий о пройденном пути Ломоносов, спустя 15 лет. Это муж, гордящийся своими деяниями, тем, что он «первый певец Российского Парнаса», верящий в то, что его имя не будет забыто после смерти, и сожалующий о том, что родителям не суждено было узнать о том, чего добился их сын своими трудами.

В 1865 году появился ряд поэтических текстов, в которых вновь центральное место было отведено личности и деяниям М. В. Ломоносова. Причиной такого неиссякаемого интереса к ученому стало празднование 100-летнего юбилея со дня смерти М. В. Ломоносова, по случаю которого собралось торжественное собрание Академии наук. Анализ текстов Майкова и Тютчева позволяет говорить о дальнейшем продолжении хвалебной поэтической традиции восприятия образа и деяний Ломоносова поэтами XIX века. Если **А. Н. Майков** в стихотворении «**Ломоносов**» [2] именовал Михайло Ломоносова «избранным богатырем», «посланцем с небес», который «наукой осиян и рвеньем», направил все свои помыслы к возвеличиванию Родины, то **Ф. И. Тютчев** в произведении «**Он, умирая, сомневался...**» (1865 г.) подчеркнул не только

избранничество ученого («избранник божий»), но его страдания, понимая сетования Ломоносова о том, что после его смерти все его деяния будут преданы забвению. Тютчев призывает быть благодарными потомками и чтить память великого мужа, давшего России Просвещение:

И мы, признательные внуки,
Его всем подвигаем благим,
Во имя правды и науки,
Здесь память вечную гласим [9, с. 296].

Стихотворение **Я. П. Полонского «Хандра и сон М. В. Ломоносова»** (1865 г.), с одной стороны, вписывается в сложившуюся литературную традицию – произведение программное, написанное к юбилею Ломоносова. Следовательно, его жанр определен содержательным заданием: воспеть и прославить юбиляра, личность которого привлекала и интересовала Полонского, сторонника идеи последовательного просвещения России. В одной из своих статей, рассуждая о необходимости постепенного воспитания общества, Полонский писал, что для его «быстрейшего прозрения» особенно нужен учитель, «вождь» – художник рисует идеальный образ просвещенного человека, стремящегося к истине посредством любви и правды: «Кто сделал открытие в науке, кто овладел литературным знаменем, кто своим влиянием заставил тысячи молодых людей учиться, чья мысль всех озарила и выводит на новый путь, тот владыко, или передовой из передовых молодого поколения» [5, с. 730]. К таким «вождям» молодого поколения Полонский относил и Ломоносова, переживаниям которого он уделил принципиальное внимание. В свете этого особое значение в стихотворении приобретает онейропоэтика (что выделяет текст Полонского из историко-литературного контекста, придавая ему оригинальность и самобытность). На основе исследования онейропоэтики стихотворения Полонского «Хандра и сон М. В. Ломоносова» выявлялись смыслы, которые репрезентируют мотив сна в конкретном произведении, а также определялись функции, им выполняемые. В первой части (экспозиции) охарактеризовано замкнутое пространство темного кабинета ученого. По находящимся в нем предметам можно судить о разносторонней научной деятельности Ломоносова: в кораблестроении, физике, химии, мозаичном производстве и т.д. Отмечая гениальность Ломоносова, «беглого сына поморских рыбаков», Полонский показывает нам не довольного жизнью человека, а больного, унывающего старика, которому думы и хандра не дают покоя. Душевное смятение «беспомощного старика» передано через беспорядок вещей: смятый камзол, брошенный парадный, пудренный парик (приметы эпохи), а также монолог ученого:

«Эх, Ломоносов, бедный Михаил
Васильич!», сам с собой он с грустью говорил,
«Ты родины своей ничем не мог прославить,
И вот, за то, что ты не любишь уступать,
За то, что ты привык все только с бою брать,
От академии хотят тебя отставить...
Пора тебе молчать, глупеть и умирать!» [4, с. 395].

Во второй части представлен путь Ломоносова от «темного начала до темного конца», основными этапами которого стали жизнь, сопряженная с нуждой, – в Москве, обучение в Германии, возвращение в Россию, где Ломоносов мечтал построить школы, чтобы увидеть русский народ просвещенным, свободным. Но Ломоносову пришлось столкнуться на родине с непониманием, кознями, интригами. Горечь ученого обусловлена тем, что дело, начатое Петром I, продолженное им, оказалось никому не нужным. Полонский вводит сравнение ученого с образом сеятеля (имеющим библейские корни), созерцающего отсутствие жатвы: «Стою, как пахарь, я над нивой, где я сеял, / И вижу, жатвы нет, все вражий дух рассеял, / И, как работник, я не нужен никому» [Там же, с. 398].

Подчеркивая протяженность душевных мук Ломоносова, Полонский демонстрирует стирание временных границ. Если в экспозиции есть точное указание на время: «куранты били час», сказано что «не мог он спать, – сидел, облокотясь», то впоследствии отмечено лишь: «Так долго он хандрил и все сидел». Озабоченный думою о ненужности, о непригодности, Ломоносов засыпает.

Третья часть произведения – это сон ученого, хотя до конца не совсем понятно, на самом деле засыпает Ломоносов или ему только кажется, что он заснул: «Казалось, / Он спал, склоняясь к руке, или ему дремалось». Погружение в сон (от дремы – к грезам, от грез – к сновидениям) передано через ряд видений, основу которых составляет картина тотального разрушения государства (созданного Петром), мира в целом (пространство расширяется):

Казалось, рушится громада, – повалилось
Все, что Петром сколочено, и он,
Как тень, над этими развалинами бродит,
Ни жизни, ни могил знакомых не находит, –
Не может сам найти, где был похоронен
Раб Божий Михаил – пиита Ломоносов... [Там же].

В следующем видении – гротескном изображении совета мертвецов, для которых важными оказываются не наука, не создание в Петербурге университета (о чем мечтал и к чему стремился Ломоносов), а чины, нажива, – апокалиптические мотивы усиливаются, также сигнализируя о грядущей гибели государства. Переход от апокалиптического сна к сну пророческому, «глубоко ясному» (следующая часть сна), происходит благодаря схождению с Геликона Музы. Пространственные рамки сужаются до образа сада, в котором оказывается Ломоносов

на торжестве в честь собственного столетнего юбилея. Во сне возможно пророческое предвидение собственной славы в устах «иног поколенья». Эта слава поддержана, как оказывается, самой природой:

...и сам он увидал,

Что лавр, его рукой посаженный меж терний,

Возрос и бюст его прикрыл и увенчал...

И сон исчез... [Там же, с. 400].

Возвращение из будущего в настоящее время сопряжено с преобразованием ученого: это уже не хандрящий старик, а уверовавший (благодаря сну-откровению) в правоту своего дела Ломоносов. Залогом этой правоты становится улыбка ученого, соединившая мир прошлого и мир будущего (пространство вновь расширяется, но его характеристика отсутствует).

Завершается произведение эпилогом, прославляющим Ломоносова:

Не будем немые, примем

Его привет загробный и поднимем

Во славу разума торжественный бокал,

С прошедшим сочетав грядущий идеал [Там же].

Строя эпилог на отрицании, Полонский тем самым усилил и подчеркнул мысль о значимости и преемственности деяний Ломоносова, в продолжении которых видит поэт «грядущий идеал».

Таким образом, разнообразные семантические вариации мотива сна в контексте стихотворения отражают стадии погружения человека в сон: дрема, греза, видения (в значении «сновидения»), «глубоко ясный сон». Сон создает особое пространство, в котором находится хандрящий М. В. Ломоносов. Пространство постепенно расширяется: замкнутые границы темного кабинета (реальное пространство) раздвигаются до границ мироздания, в котором человечество из-за своего невежества катится к гибели (фантастический план); пространство вновь сужается до границ сада, в котором празднуют юбилей ученого (фантастический план – предвидение Ломоносова); пробуждение героя возвращает его в действительность. Согласно логике, это вновь кабинет ученого (но приметы этого пространства не представлены автором). Дальнейшее расширение пространства происходит в эпилоге (пространство авторское), где автор от лица всего человечества прославляет М. В. Ломоносова. Время в описываемом пространстве также изменчиво: из реального становится фантастическим (в нем наблюдается смешение настоящего и будущего времен), из фантастического – вновь реальным (авторское время).

Стихотворение отличается от всех ранее рассмотренных (имеется в виду контекст творчества Полонского) по своему художественному заданию: оно идеологично, его герой – реальное историческое лицо. И функция сна в нем специфична: сны Ломоносова, по сюжету, играют роль не воспоминания, напротив: они прогностичны. Но прогностичны лишь для персонажа; для автора и читателя слава Ломоносова уже стала историческим фактом. Полонский использует не раз апробированную в русской поэзии традицию сна-предвидения, связанного с судьбой знаменитых людей, впервые представленную в «Видениях на берегу Леты» Батюшкова, наблюдаемую и в драматической фантазии Некрасова «Юность Ломоносова». Но Полонский обогащает эту традицию психологическим элементом, создавая наложение тех реальностей, в которых развивается сюжет. Это внутренний монолог и многообразные сны/грезы Ломоносова; повествование о нем – глазами Полонского; ситуация юбилея, в которую вписано стихотворение (а также реальное знание о Ломоносове).

Как видим, предшествовавшая Полонскому традиция воссоздания и восхваления образа Ломоносова в литературе богата и обширна и начало ей дано Державиным. Образ ученого-просветителя, мыслителя, гения во всех областях науки воспевается поэтами в разных жанрах: оде, сонете, послании, стихотворении, драматической фантазии. Стихотворение Я. П. Полонского «Хандра и сон М. В. Ломоносова» (1865 г.) удачно вписывается в историко-литературный контекст благодаря своей заданности, тем самым сохраняя и продолжая поэтическую традицию восхваления, но оно и выделяется из нее благодаря оригинальной онейропоэтике.

Список литературы

1. **Державин Г. Р.** Сочинения / сост., биогр. очерк и коммент. И. И. Подольской; ил. и оф. Е. Е. Мухановой и Л. И. Волчека. М.: Правда, 1985.
2. **Майков А. Н.** Ломоносов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Lomonosov300.ru/57032.htm> (дата обращения: 01.11.2012).
3. **Некрасов Н. А.** Полное собрание сочинений: в 15-ти т. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1983. Т. 6. Драматические произведения 1840–1859 гг. 720 с.
4. **Полонский Я. П.** Полное собрание стихотворений: в 5-ти т. Изд-е просмотр. автором. СПб., 1896. Т. 1. 480 с.
5. **Полонский Я. П.** Прозаические цветы поэтических семян. Сочинения Д. Писарева. I, III и V части // Отечественные записки. 1867. Т. 171. Вып. 4 (апрель). Кн. 2. С. 714–749.
6. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 6. Критика и публицистика. 508 с.
7. **Пушкин А. С.** Сочинения: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила: поэма. 735 с.
8. **Стромилов С. И.** Ломоносов: сонет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Lomonosov300.ru/58299.htm> (дата обращения: 01.11.2012).
9. **Тютчев Ф. И.** Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1957.
10. **Фролов Д.** Похвала Ломоносову: ода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Lomonosov300.ru/58304.htm> (дата обращения: 01.11.2012).
11. **Хвостов Д. И.** Михайле Васильевичу Ломоносову [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Lomonosov300.ru/58306.htm> (дата обращения: 01.11.2012).

ORIGINAL IMAGE OF LOMONOSOV-SCIENTIST IN POEM "M. V. LOMONOSOV'S SPLEEN AND DREAM"
BY YA. P. POLONSKII IN HISTORICAL-LITERARY CONTEXT

Irina Gennad'evna V'yushkova, Ph. D. in Philology
Department of Philology and Culturology
Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov
wjuschkowa@rambler.ru

The author recreates the unique image of the brilliant scientist M. V. Lomonosov, and pays special attention to the poem "M. V. Lomonosov's Spleen and Dream" by Ya. P. Polonskii, which stands out from the historical-literary context due to the original oneiropoetics that helps imagine the ambiguous image of the thinker Lomonosov.

Key words and phrases: image; poetry; poetic tradition; dream; daydream; oneiropoetics.

УДК 81/23

Филологические науки

В статье рассматриваются основные модели коммуникации, ее структура и элементы, а также помехи и барьеры, возникающие в процессе общения. Особое внимание в работе уделяется понятиям «эффективная коммуникация» и «неэффективная коммуникация» с целью раскрыть их основное содержание и дать им определение.

Ключевые слова и фразы: коммуникация; эффективная коммуникация; неэффективная коммуникация; этапы коммуникации; барьеры коммуникации.

Екатерина Юрьевна Гончарук

Кафедра русского языка

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Ekaterina.Goncharuk@vvsu.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ
(ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)[©]**

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0533 «Исследование этнокультурной специфики речевой коммуникации носителей русского и восточных языков в социально-бытовой сфере общения».

В настоящее время изучение процесса коммуникации привлекает многих исследователей, в частности, внимание ученых направлено на исследование эффективности процесса общения, а именно на количественный и качественный состав вербальных и невербальных средств, участвующих в акте коммуникации. Кроме этого, особое внимание уделяется изучению условий, влияющих на эффективность коммуникации, причем условий, непосредственно зависящих от воли коммуникатора [4-6].

Популярность коммуникативных лингвистических исследований опосредованно мы можем объяснить неязыковыми причинами, а именно она обуславливается возросшей потребностью человека добиться максимальной эффективности от общения в различных сферах – социально-бытовой, официально-деловой, общественно-политической, социально-культурной, торгово-экономической. Проблемы эффективности коммуникации интересуют не только лингвистов, но и психологов, социологов, политологов и др.

Однако заметим, что популярность исследования не означает однозначности и точности используемых терминов и понятий. Так, в современной лингвистике до сих пор нет точного определения понятий «эффективная коммуникация» и «неэффективная коммуникация». К такому выводу мы пришли, выполняя работу в рамках реализации проекта «Исследование этнокультурной специфики речевой коммуникации носителей русского и восточных языков в социально-бытовой сфере общения» (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»). Так как цель указанного исследования – описание особенностей эффективной и неэффективной речевой коммуникации носителей русского и восточных языков, понятия «эффективная коммуникация» и «неэффективная коммуникация» являются для нас ключевыми, поэтому нуждаются в точном определении.

В данной статье мы рассмотрим эти понятия с целью дать им определения. Для достижения поставленной цели необходимо, прежде всего, рассмотреть понятие «коммуникация».

По определению Е. Фитье, коммуникация – это сложный процесс взаимодействия между людьми, заключающийся в обмене информацией, а также в восприятии и понимании партнерами друг друга [7].